

Отд. оттиск из 2-го т. "Учен. Запис. Высшей Школы г. Одессы
(Отдел Гуман.-Обществ. Наук), посвященного проф. Б. М. Ляпунову.

Украинский элемент в творчестве Вл. Короленка

Профессор В. Ф. Лазурский.

Пока Короленко не начал публиковать свои воспоминания, в русской критике высказывалось много неверных и неточных соображений относительно приемов его творчества. Предполагали, что этот живописец природы вырос в близком общении с нею. Говорили об украинском романтизме в его произведениях. Преувеличивали автобиографическое значение его художественных вещей.

Когда Короленку шел уже 56-ой год, выпустил он первый том своей автобиографии под несколько уклончивым названием: "История моего современника"¹⁾. В нем он рассказал о раннем своем детстве и годах учения. Через десять лет вышел второй том автобиографии, рассказывающий о студенческих годах и ссыльных скитаниях. Короленка²⁾. Третий том, говорят, теперь печатается. Пользуясь этим материалом, молено довольно точно разобратся в вопросе о национальных взглядах автора, с именем которого так часто соединяют название гуманиста.

Но семенному преданию, род Короленков шел от какого-то миргородского полковника, который получил гербовое дворянство от польских королей, очевидно, до воссоединения Украины с Москвой, когда земли нынешней Полтавской губернии входили в состав Королевства Польского. Дед и отец писателя были уже русскими чиновниками, принадлежавшими к служилому, беспоместному дворянству. Служа в Ровенском уезде Волинской губернии, отец женился на польке, дочери шляхтича средней руки, арендовавшего чужие имения. Таким образом по своему происхождению Владимир Галактионович был полу-русский, полу-поляк. С отцом он ходил в православный храм, с матерью в костел. В первые годы детства в семье преобладал польский язык. Будущий русский писатель выучился читать по польской азбуке. Первая книга, которая произвела на него сильное впечатление: была несколько сентиментальная повесть польского писателя "Фомка из Сандомира".

Его систематическое образование началось в польском пансионе. Первая театральная пьеса, которую он увидел в своей жизни, была на сюжет из польской истории, и притом насквозь проникнутая таким национализмом, что романтический дух польской старины ударил в голову мальчика, как крепкое вино.

В этот период жизни Короленко не мог не только хорошо, но даже удовлетворительно познакомиться с малорусским населением Волинской губернии и его языком. Ребенком он вместе с семьей был перевезен в Житомир, а потом в Ровно, куда получил назначение его отец, и оставался в последнем городе до конца своего учения в русской реальной гимназии, после чего отправился в Петербург, для поступления в технологический институт. В волинских городах знакомые и друзья их семьи были большою

1) Издание редакции журнала "Русское Богатство". С.-Петербург. 1909.

2) Издание товарищества "Русское Богатство". Одесса. 1919.

частью поляки. Русские чиновный и военный круги держались особняком. Даже городская прислуга, кухарки, горничные и лакеи, набирались из поляков. Изредка попадались мужики-украинцы среди кучеров и нянек.

Дети Короленка летом ездили в деревню, но гостить им приходилось у помещиков-поляков, которые враждебно относились к назревавшему тогда в России освобождению крестьян. Между усадьбой пана-католика и деревней малороссов-униатов стояла непроходимая стена, и полурусские гости-дети чувствовали себя здесь без собственной среды. Где-то там, за пределами панской усадьбы шла мужицкая жизнь, неведомая и чуждая горожанам, и не было никакой надежды для случайных посетителей этого заколдованного помещичьего круга завести дружеские сношения со смотрящими из-под лобья селянами-украинцами.

Не удивительно, что Короленко говоривший по польски еще лучше, чем по русски, украинский язык знал—по собственному признанию—довольно плохо и совсем не владел украинским выговором. Когда в связи с польским восстанием 60-х годов в ополяченной семье Короленка начались национально-политические споры между отцом и матерью, раздвоенной душой ребенка пыталась было овладеть украинская национальность, но эта попытка оказалась менее всего удачной. В польском пансионе, где до житомирской гимназии учился Короленко, одного учителя-поляка сменил учитель-украинец. Он то и попытался внушить мальчику, что козацкий внук и правнук принадлежит не к польскому и не к русскому, а к "вольному козацкому роду". Последние слова имели сами по себе какое-то смутно-манящее значение. Кроме того, они как-будто удачно разрешали для мальчика вопрос о его национальности, столь трудный среди ставших во враждебные отношения школьных товарищей—поляков и русских. Но, во-первых, учитель-украинец казался Короленку каким-то ненастоящим. Он одевался как никто ни в городе, ни в деревне. На нем был синий казакин, расстегнутый на груди, где виднелась вышитая малороссийская рубашка: его широкие синие шаровары были опоясаны цветным поясом и вдеты в лакированные сапоги. Длинные тонкие усы с подусниками он по казацки опускал вниз и стриг волосы в кружок. Еще неприятнее было то, что в глазах мальчиков-поляков принадлежность к козацкому роду несколько не делала Короленка лучшим. Напротив, один товарищ по пансиону заявил ему, что козаки хуже москалей, так как они закапывали поляков живьем в землю. Когда же украинец-учитель, раздосадованный неуспехом своей пропаганды, имел неосторожность, говоря о матери Короленка, назвать ее "ляшкой", страстное сыновнее чувство в мальчике было настолько оскорблено, что украинский прозелитизм провалился окончательно.

Еще в один период учебной жизни Короленка украинский романтизм как-будто бы захватил его, но очень не надолго. В Ровенской русской гимназии учитель русского языка, увлекавший учеников Тургеневым, сам оказался украинцем. Он хорошо читал Шевченка и пел украинские песни, и иод его влиянием Короленко на время почувствовал себя в поэтической власти степей и казатчины. Но стоило ему самому угостить чтением "Гайдамаков" своего товарища, еврея Симку, чтобы почувствовать, что в этом ярком произведении шевченковского таланта есть нечто, больно задевающее не только еврея, но и его самого, полу-поляка по происхождению. Гайдамака Галайда в упоении мстью кричит: "дайте ляха, дайте жида, мало мені, мало"! Предводитель гайдамаков Гонга режет "свяченым ножом" двух своих сыновей за то, что его жена-полька помогла иезуитам обратить их в католиков. А гайдамаки топят живьем в колодце школяров из той семи-

нарии, где учились дети Гонты. Хотя Добролюбов, рекомендованный учителем русского языка, хвалил и исторически объяснил это произведение Шевченка, но из глубины души молодого Короленка просачивался глухой протест. Ведь Гонта сам женился на матери своих детей, зная, что она католичка, как его отец женился на его матери католичке. Неужели и Короленко отец также поступил бы со своими сыновьями, живи они каких-нибудь 100 лет тому назад? Неужели этого требовала честь, слава, братство и воля Украины?

Тот же самый учитель-украинец, который своей рукой открыл перед Короленком красивый, но отвлеченный и призрачный для польско-русской души мальчика мир былой казатчины, еще шире распахнул перед ним окно русской литературы, более ему родственной. Учитель сам увлекался и увлекал своих учеников не только Тургеневым, но и Некрасовым. Правда, Короленко до того времени никогда не видел и не мог видеть на Волыни некрасовских мужиков. Но разве он вообще знал деревню, украинскую или польскую? Ему даже казалось лучшим, что он никогда не жил среди сутолоки крепостных отношений, благодаря чему в его воображении существовала другая, идеализированная деревня, которую он узнал из литературы народного направления. По собственному признанию Короленка, некрасовский мужик, которого он никогда не видел, говорил его чувству больше, чем мужик украинский, которого он иногда видел. "Всегда за непосредственным образом некрасовского "народа" стоял интеллигентный человек, с своею совестью и своими запросами... вернее с моей совестью и моими запросами. Эта струя литературы того времени, этот особенный двусторонний тон ее — взяли к себе мою разноплеменную душу... Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература".

В студенческие годы, во время пребывания в петербургском технологическом институте и московской сельскохозяйственной академии, общественные взгляды и литературные вкусы Короленка ясно определились. Он увлекся политико-социальными вопросами и примкнул к тому революционно-народническому направлению, теорию которого развивали в заграничной прессе с разными оттенками эмигранты Ткачев и Лавров. Вместе со своим братом Короленко причислял себя к лавристам, обязанным ходить в народ, не боясь ареста. С этой целью он научился сапожному ремеслу.

Удивительно откровенное признание Короленка, что к этим мужикам которых нужно было пропагандировать, он сам стал близко только тогда, когда его в административном порядке выслали в Вологодскую губернию (в 1877 г.). Он с благодарностью вспоминает о том мужике, который вынес ему жбан с брагой и с величавым поклоном и приветливым словом подал его незнакомому гонимому человеку, Которого по приказанию начальства, ящик вез через их деревню в Вологду. "Судьба моя сложилась так, что захватывающее чувство (ощущение глубокой неясности и любви к деревенскому человеку) мне пришлось пережить на севере. Случись такая же минута при таких же обстоятельствах на моей родине, в Волыни или на Украине, может быть, я бы почувствовал себя более украинцем. Но и впоследствии также определяющие минуты связывались с великорусскими или сибирскими впечатлениями". Еще ближе стал Короленко к великорусскому народу, когда был сослан в Вятскую губернию и в дальней северо-восточной части ее стал „лицом к лицу с этим нетронутым, неискаженным и чистым мужицким миром" (в 1878 г.). В пересыльных пунктах Сибири перед ним проходили самые разнообразные народности, из которых он ближе всего

познакомился с сибирским населением Томской губернии (в 1879—81 гг.) и с якутами в дальневосточной якутской области (в 1881—84 гг.).

Художественной деятельности Короленко мог отдаваться только тогда, когда ему было разрешено вернуться в Россию и поселиться в Нижнем Новгороде (в 1885 г.). С этого времени в печати начинают появляться его произведения, в которых он рисует украинскую природу и выводит украинские типы. Больше всего выдаются в этом отношении: "Лес шумит" — Полесская легенда (1885 г.), "Слепой музыкант" — этюд (1886 г.), "Судный день" (Иом-Кипур) малорусская сказка (1890 г.), отчасти "Марусина замка" — очерк из жизни в далекой стороне (1899 г.).

Следует обратить внимание на то, что все эти вещи написаны до 1900 г., когда 47-летний Короленко (род. в 1853 г.) поселился в Полтаве, где он прожил до смерти (1921 г.). Последние 20 лет он занимался почти исключительно журналистикой, писал по общественным вопросам, делал литературные характеристики отошедших писателей, отдавался личным воспоминаниям. Таким образом его повести с украинским элементом относятся к расцвету его художественной деятельности, и такие критики, как Скабичевский, считали их первоклассными художественными произведениями¹⁾

Л. Н. Толстой смотрел на это дело совершенно иначе. Приговорами Скабичевского, который в его глазах был тупым и бездарным человеком, он не интересовался, а наиболее прославленные вещи Короленка осуждал за то, что в них много фальшивой выдумки и попадают грубые ошибки²⁾. Толстой высоко ценил Короленка не как художника, а как публициста, и на этой почве, особенно по вопросу о смертной казни, произошло у них сближение³⁾. Из последних критиков С. Венгеров в оценке художественной деятельности Короленка больше совпадает с Скабичевским⁴⁾, Ю. Айхенвальд с Толстым⁵⁾.

Уже материал, извлеченный из автобиографии Короленка, показывает его малую подготовленность к украинским очеркам, когда он по старым воспоминаниям, вдали от Украины, писал перечисленные выше повести. Ближайшее рассмотрение этих вещей еще больше убеждает в том, что биограф может предсказать заранее.

В полесской легенде "Лес шумит" Передается устами деда, лесника довольно избитая в романтическую эпоху история того, как лесник Роман убил пана, обесчестившего его жену Оксану, а сам пошел в гайдамаки. Язык хохла-деда здесь условно народный. Шесть украинских слов, объясненных автором в примечаниях, довольно обычны (мотня, квилить, списа, с глузду съехать, сумный) и не свидетельствует о том, что в это время Короленко имел более познаний в украинском языке, чем в свои гимназические годы. Обыкновенно восхищаются поэтической картиной одухотворенного леса, оттеняющего разные моменты рассказа деда. Но, во-первых, этот прием, сделавшийся в литературе довольно обычным, применяется у Короленка с явным расчетом, нарочито; во-вторых, если даже и допустить близкое знакомство автора с лесной жизнью, то этому он мог научиться

1) А. Скабичевский. История новейшей русской литературы. С.-Петербург. 1891. Стр. 409—412.

2) Разговоры с Л. Толстым на эту тему записаны мною и опубликованы в моей книге "Воспоминание о Л. Н. Толстом". Москва. 1917. Стр. 41—42.

3) О последнем дружеском свидании Короленка и Толстого рассказывает В. Булгаков в своем дневнике "У Л. Н. Толстого в последний год его жизни". Москва. 1911. Стр. 259—265.

4) Статья С. Венгерова о В. Г. Короленко в "Новом Энциклопедическом Словаре" т. XXII, стр. 822—829.

5) Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Выпуск I. Издание третье. Москва 1911. Стр. 224—235.

не в городах Волыни, а в сибирских лесах. Местный полесский колорит здесь не сказывается ярко.

Психологический этюд "Слепой музыкант" особенно приводил в восторг Скабичевского своей поэтичностью. Это одна из наиболее популярных вещей Короленка, которая выдержала 15 изданий по 1915 год. С психологической точки зрения, напротив, ни одно произведение его не подвергалось большому обвинению в выдумке, чем это¹⁾. Уже к 6-му изданию "Слепого музыканта" автору пришлось делать вступление и оправдывать свою основную мысль рассказа, будто слепые от рождения могут чувствовать инстинктивное влечение к свету, хотя при этом он должен был сознаться, что первоначально этот мотив вошел в его работу "как априорный, подсказанный лишь воображением". Чтобы поддержать свою гипотезу, Короленко в VI главе 6-го издания (1898 г.) вставляет сцену посещения монастыря на берегу Днепра и выводит здесь двух звонарей-малороссов, ослепшего и слепорожденного. Для нас интересно отметить, что эти звонари были записаны им с натуры не в Малороссии, а на вышке одного монастыря Тамбовской губернии. Вообще все внимание автора в этом этюде поглощено психологической, а не национальной проблемой. Действие происходит в Волынской губернии, в имении польского пана Попельского, который женат на дочери малорусского помещика Яценка. Таким образом слепорожденный герой рассказа полу-поляк, полу-малоросс, но он готовится к карьере музыканта, а не общественного деятеля, и потому национальные вопросы затрагиваются автором вскользь, мимоходом. Есть здесь конюх-хохол Иохим, играющий украинские песни на свирели и скрипке. Появляется эпизодический помещик-малоросс Ставручеко, говорящий по малорусски. Есть его два сына, которые одеваются в белые свитки и малорусские сорочки и записывают во время каникул по деревням народные песни и предания. Есть дядя героя рассказа, Максим Яценко из малорусских помещиков, По своему влиянию на мальчика этот умный человек больше других мог бы развить в нем любовь к Украине, но дядя Максим сам разочаровался в "вольном казачестве", вылечился от украинского романтизма и отправился в Италию сражаться за республиканские идеалы гарибальдийцев. Из всех эпизодических лиц симпатии автора явно склоняются больше всего на сторону дяди Максима. В "Слепому музыканте" нередко с большим сочувствием цитируются отрывки из украинских песен. Цитатам этим, равно как и вставным украинским фразам действующих лиц, вредит то, что Короленко не позаботился об усвоении единообразного украинского правописания, вследствие чего все, писанное им по украински, полно грамматических ошибок.

Терминологии в отношении названия самого народа он также придерживался старой неопределенной, называя его чаще "малороссами", "хохлами", реже "украинцами". Этим объясняется, что, цитируя и пересказывая Короленка, мы сами должны были употреблять эти разнообразные термины.

1) Адвокат А. В. Бирилев, потерявший зрение на 6-ом году жизни, но несмотря на это окончивший Казанский университет, в 1900 г. сделал в Пушкинском Обществе доклад "О художественной и реальной правде в повести Короленка "Слепой музыкант". Проф. Архангельский изложил содержание этого доклада в "Казанском Телеграфе" за 1900 г. №№ 2394 и 2395. А. Щербина, потерявший зрение на 3-ем году жизни и несмотря на это не только окончивший гимназию и Московский университет, но и ставший профессором психологии, сделал в 1915 г. доклад в заседании Московского Психологического Общества: "Слепой музыкант" В. Г. Короленка, как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых, в свете моих собственных наблюдений". Доклад этот в расширенном и переработанном виде напечатан в сборнике статей по философии и психологии: "Г. И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891—1916", Москва. 1916. Стр. 1—51.)

"Судный день" (Иом-Кипур) разработан Короленком из поверья Западного края, что во время еврейского праздника очищения чорт Хапун уносит наиболее грешного еврея из синагоги. Автор, хотя и назвал свой рассказ малорусской сказкой, но поставил его в бытовую обстановку и придал ему нравоучительный характер. Новокаменский хохол-мельник Филипп оказался хуже своего конкурента жида-шинкаря Янкеля и вместо него попал в лапы чорта Хапуна. Все украинские разговоры действующих лиц приводятся по-русски. Так делал Гоголь в своих повестях "Вечера на хуторе близ Диканьки". Подражание Гоголю идет здесь так далеко, что рассказ у Короленка ведется от имени какого-то "простого человека", хотя он и не рекомендуется публике, как это делает пасичник Рудый Панько, воображаемый издатель повестей Гоголя. Однако у Короленка фантастическое соединяется далеко не так гармонично с бытовым, как у Гоголя. У него нет ни гоголевской роскоши красок в описаниях природы, ни гоголевской высоты лирического подъема; его посредственный юмор не заражает. Что касается верности описаний бытовой жизни, то знатоки евреи находят в "Судном дне" немало промахов, а для знатоков-украинцев это произведение, как подражательное, представляет малый интерес.

"Марусина заимка" с украинской точки зрения обещает больше, чем дает. Автор писал, очевидно, с натуры. В этом достоинство и этнографическая ценность сибирских рассказов Короленка. Но в такого рода произведениях всегда много случайного. Автор, едучи по долине Амги верхом со своим товарищем из малороссов, наткнулся на отлично разделанный огород с настоящей малорусской хаткой. Хозяйкой ее оказалась красивая Маруся, одичавшая и с болезненными припадками женщина, о которой никто не знал, откуда она из Полтавской, Черниговской или другой какой губернии. Это изломанное существо испытало тюрьму, бродяжничество и сожительство с бродягами, по домовитость ее надо всем одержала верх, и в Якутской области, в своей заимке, она нашла, если не семейное счастье, то удовлетворение своим хозяйственным запросом. Короленко старается углубить фотографичность своей записи психологическими догадками, но его размышления здесь касаются общечеловеческих, а не национальных вопросов.

Слепцы А. Вирилев и А. Щербина, независимо друг от друга разбившие "Слепого музыканта" Короленка, пришли к одинаковым выводам. Психология слепого, описанная Короленком по воображению, а не на основании наблюдений, им не знакома. Переживания такого рода может испытывать не слепорожденный, а человек, недавно потерявший зрение, не успевший еще забыть всех световых ощущений и мучительно жаждущий восстановления зрительной способности. Если они признают какое-нибудь значение за этюдом Короленка, но только в одном отношении. Это художественная картина искренно жалостливых, но психологически неверных представлений, которые зрячие обыкновенно высказывают относительно слепых.

Приблизительно к таким же выводам могут прийти украинцы или специалисты по украиноведению, если они внимательно пересмотрят места в произведениях Короленка, содержащие в себе украинский элемент. Украинцы могут быть благодарны Короленку за сочувственное отношение к их песням, за романтическую идеализацию их простого народа, но они не могут скрыть ни от себя, ни от других, что Короленко был писателем, мало знакомым с их бытом, лишь повторявшим те украинские образы, которые сделались ходячими в художественной литературе.